

Воспоминания. История семья Кубаревых

Мой отец

ЕВГЕНИЙ КУБАРЕВ,
ветеран Великой Отечественной
войны, ветеран РКК «Энергия»
им. С.П. Королёва

Наша семья Кубаревых проживала в деревне Никишево Батюшковской волости Гжатского уезда Смоленской губернии — ныне это Гагаринский район Смоленской области.

К началу Великой Отечественной войны семья состояла из восьми человек: отец Иван Иванович (1895 года рождения), мать Екатерина Александровна (1897 г. р.), их дети Вера (1922 г. р.), Александр (1923 г. р.), Юрий (1926 г. р.), Евгений (1927 г. р.), Николай (1929 г. р.) и Сергей (1935 г. р.).

Нападение Германии на Советский Союз остановило мирную жизнь, началась Великая Отечественная война против извечных врагов нашей Родины.

Я расскажу о моём отце.

Он родился в большой бедной семье (10 человек) в деревне Никишево. После окончания церковно-приходской школы Иван очень хотел пойти учиться, но по бедности это оказалось невозможным. С 11 лет он стал ходить со своим отцом на заработки, обучаясь непростой профессии портного. Шил все виды одежды для взрослых и детей, на любой сезон года. Наибольшей потребностью была зимняя одежда (шубы, полушуб-

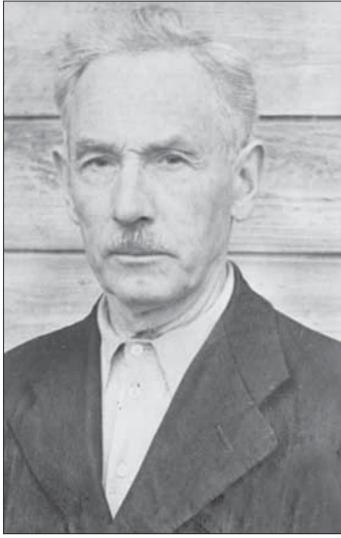
ки, телогрейки, тулупы). Портной должен был уметь выделывать шкуру животного, из которой предстояло сшить изделие, а уже затем браться за шитьё.

В 1915 году Ивана Кубарева призвали в армию, и вскоре в составе Гжатского полка он был отправлен на фронт. Первая мировая война уже громыхала. Линия фронта между русскими и немецкими войсками проходила по территории нынешней Литвы. Прорвать фронт русской армии немцам не удалось. Тогда они применили отравляющие газы (впервые в мире!). Гжатский полк, попавший под газовую атаку, понёс большие потери. Мой отец, получив химическое отравление, по заключению медицинской комиссии был демобилизован из армии. Способов лечения отравленных людей тогда ещё не было.

Как рассказывал отец, на медицинской комиссии седоватый врач сказал ему:

— Поезжай, дружок, домой. Дома и стены помогают. Справится твой организм с отравлением — поживёшь. Не справится — похоронят на родной земле. Запомни мой совет: когда зацветёт рожь, иди на ржаное поле и лежи там или сиди, сколько сможешь. И так каждый день.

Через два сезона цветения ржи Ивана снова вызвали на медкомиссию. Хотя у него кашель был с пер-

Иван Иванович Кубарев.

вого дня отравления (и на протяжении всей оставшейся жизни), и сердечно-сосудистая система напоминала о себе, его призвали в армию и сразу же направили в город Муром, в школу унтер-офицеров. По её окончании он снова оказался на русско-немецком фронте.

На дворе — 1917 год, волнения в войсках. При размежевании на красных и белых отец принял сторону красных. В боевых действиях он не участвовал, по приказу командования был отозван как специалист по портновскому делу и направлен в Москву, в Хамовнические военные мастерские, где шили одежду для Красной армии. В мастерских Иван Кубарев проработал несколько лет, пройдя путь от рядового портного до началь-

ника большого цеха, входил в профком мастерских. Для организма, отравленного газом в Первую мировую войну, деревенский воздух и природа были лучше, чем городская обстановка. К тому же в деревне остались старые, больные родители. В Москве Иван женился (жена работала в этих же мастерских), у них родился ребёнок. В 1922 году он с женой и ребёнком возвратился в родительский дом.

Ещё работая в мастерских, Иван обдумывал, каким образом на родине (Батюшковская волость) использовать с пользой и для людей, и для государства огромный потенциал портных, которым по закону запрещалась частная деятельность. Тщательно всё обдумав, обратился в Гжатский райком партии с предложением создать подобие хамовнической мастерской в деревне Ренек. Идея была поддержана, и вскоре портные Батюшковской волости стали работать у себя на родине, выполняя заказы промышленных предприятий Москвы.

К 1938 году в семье у Ивана Ивановича было уже шестеро детей. Один за другим они заканчивали семилетку и хотели продолжать учёбу. А для этого надо было ехать в город.

В 1938 году семья переехала в Московскую область, на станцию Дорохово. Дочь Вера поступила учиться в педагогическое училище г. Дорогобужа Смоленской области. Сын Александр пошёл в железнодорожное ремесленное училище (станция Москва-III), остальные дети ещё учились в школе.

В начале октября 1941 года немцы прорвали фронт под Вязьмой, 10 октября заняли Можайск. Отец с семьёй успел эвакуироваться из Дорохова и приехал в посёлок Болшево Мытищинского района Московской области к дальним родственникам.

Отца тут же призвали в народное ополчение, и он сразу был направлен под Наро-Фоминск. Ополченцы помогли отстоять город — немцы не смогли занять правый берег реки Нары.

После наступления наших войск фашисты были отогнаны от Москвы. Ополчение распустило, и отец вернулся домой, поступил работать на швейное производство города Калининграда Московской области (ныне Королёв). Там, на улице Вокзальной (ныне улица Грабина), шили одежду для нужд Советской армии все годы войны.

После её окончания отец работал всё на том же швейном производстве, обучая приходивших молодых людей всем премудростям швейного дела.

Когда в подмосковном Калининграде создавался химический завод по изготовлению искусственных тканей и меха, отец был назначен на должность главного инженера. Трудился там до 1965 года. В 1968-м Иван Иванович Кубарев умер, похоронен на Болшевском кладбище.

Как говорили лечащие врачи, если бы не отравление газами в 1915 году на фронте, он пожил бы ещё лет 15–20.

(Продолжение следует)

Кто они — дети войны? Мы памятью живы...

«...А завтра была война... и любовь...»

ГАЛИНА ЗУЕВА, ВЕТЕРАН ТРУДА

Кажется, нет такой ситуации в истории войны 1941–1945 годов, которая не была описана ранее в книгах, воспоминаниях о войне, показана в фильмах. Но вот прошли годы и вдруг откуда-то возникло понятие — «дети войны». Кто они? Не те довоенные дети, что выжили в эти страшные годы вопреки всему и благодаря нечеловеческим усилиям своих и чужих родных, не те дети, что всё же появились в трудные послевоенные годы (дождались-таки женщины своего часа, уготованного природой!), а те, что неожиданно-негаданно появились в военное непредсказуемое время, и весь ужас войны не мог этому помешать.

После жестоких боёв бойцы, которым довелось выжить, наверное, вспоминали своих любимых

Автор статьи Галина Горшунова (Зуева), 1944 год.

женщин, оставшихся далеко. Военные корреспонденты того времени, особенно Константин Симонов, не стеснясь писали на фронте такие проникновенные слова:

...Да, мы, с ума сходя в разлуке, в тревожный

предраусветный час

вслух вспоминали эти руки, когда-то мучившие нас.

...О белом полотне постели, о верхней вздёрнутой губе, о гнущемся и тонком теле, на пытку отданном тебе.

И я не каюсь, что руками, губами,

телом встречи ждал, и пусть в меня бросает камень тот, кто как я не тосковал!

Дети войны. Как трудны порой были их судьбы, как много женщин так и не дождалось или просто не встретили своего единственного, желанного. А их послевоенные судьбы, когда с фронта они вместе с медалями приносили домой и маленького ребёнка, который никогда не увидит отца, даже на фотографии, это — фронтовые жёны... Про них в редакционной газете «Красная звёздочка» писал Константин Симонов:

Был он немолодой, но бравый, шёл под пули без долгих споров.

Наводил мосты, переправы — ни на шаг от своих сапёров. И погиб под самым Берлином на последнем на поле минном, не простясь со своей подругой, не узнав, что родит ему сына... И осталась жена в Тамбове, и осталась в полку сапёрном та, что стала его любовью в сорок первом, от горя чёрном. И не так уж была красива, не приметна женскою статью — ну, да, видно, не в этом сила — он её и не видел в платьях. Ничего для себя не хотела, ничего для себя не просила, но от пуля, закрыв своим телом, из огня его выносила, и выживала ночами, не беря с него обещаний

Часы и портсигар, оставшиеся от отца.

не жениться, не разводиться, не писать для неё записочек... Получает жена полковника свою пенсию за покойника, старший сын работает сам уже, да и дочь уже год как замужем... Но живет ещё где-то женщина,

что звалась «фронтовой женой». Не завещано, не обещано ничего только ей одной, только ей одной да мальчишке, что читает первые книжки, что с трудом одет без заплаток на её, медсестры, зарплату. Сплетней душу ему не троньте! Мальчик вправе

спокойно знать, что отец его пал на фронте и два раза ранена мать... Есть над койкой его на коврике снимок Одерской переправы, где с покойным отцом — полковником мама рядом стоит по праву. Не забывшая, не замужняя.

Никому другому не нужная — она молча несёт свою муку... Поцелуй, как встретишь, её руку!

Вот и я, то самое дитя войны, пишу эти строки, а сердце сжимается от того, что моя собственная мама — участница той войны (её уже нет в живых), многое пережила в трудное военное время, когда её, выпускницу Юридического института, направили на Украину с наступающей армией в военную прокуратуру, которой руководил тогда генеральный прокурор Н. Руденко. Там и встретила она свою первую любовь, он восстанавливал на освобождённой Украине советскую власть, и у молодень-

Молодой юрист Лидия Горшунова, 1943 год.

кого юриста времени на любовь оставалось совсем мало...

Там на войне время измерялось оставшейся им жизнью, и любовь часто была короткой, жертвенной, без огляда на будущее. Столкнувшись с озверевшими бандеровцами, погиб весь отряд отца. У мамы остались только его портсигар и карманные часы, а ещё — я, не родившееся пока дитя войны... Моим первым детским приданным была короткая записка из прокуратуры на военный вещевого склад: «...выдать 5 м ткани фланелевой и 5 м льняной, 1 байковое одеяло лейтенанту юстиции Горшуновой Л.Ф.» (непредвиденные расходы на пелёнки для новорождённого).

Прошло 70 лет со дня Победы, но оставшиеся в живых поседевшие дети войны низко кланяются их ушедшим отцам и матерям за подаренную им жизнь, за их несбывшуюся любовь...